мирующейся и во времени развивающейся индивидуальности. Но поскольку каждый народ живет в особых обстоятельствах и условиях (климат, природа, общественный строй), то и время, в которое происходит его развитие, индивидуально. Оттого судьбы народов различны и не схожи между собой по культуре, творчеству, поэзии.

Время у Гердера становится исторической категорией. Преодолевая механистическое представление об историческом прогрессе, он показывает движение времени не линейное, а по восходящей, когда настоящее не отменяет прошлого, но обобщает его, вбирает его опыт. На этой основе были сформулированы понятия «дух времени» и «дух народа». Представление об историческом развитии, обстоятельно разрабатывавшееся, в частности, на материале фольклора, решительно порывало с механистическим взглядом на историю.

Изучение трудов Гердера и его понимания фольклора поучительно и методологически. Оно не только позволяет ставить вопрос о характере и интенсивности влияния трудов немецкого философа на русских писателей (а его читали очень прилежно и Радищев, и Муравьев, и Карамзин, и Державин, и Жуковский, и многие другие), но и открывает путь к типологическому рассмотрению сходных явлений в русской литературе, дает ключ к пониманию диалектического отношения к просветительской исторической науке.

Исторические взгляды Гердера формировались с учетом достижений просветительской философии истории, и в то же время многое в этой философии истории — то, что было откровенным и однозначным выражением механистической методологии — отвергалось, преодолевалось. Проявлялось это в самых различных областях, например в понимании типов культур, самобытности национальных литератур, «духа времени» и «духа народа», в трактовке античности и средневековья и т. д.

6

Обращение к русской литературе последней трети XVIII в. позволяет познакомиться с многими фактами, свидетельствующими об аналогичном процессе, проходившем в России. Зарождение исторического мышления в работах Гердера оказывается частью и моментом действовавшей общей закономерности, которая определяла направление умов, объясняла начавшийся штурм механистического понимания истории. Именно потому с понятием «духа времени» и «духа народа» мы сталкиваемся в творчестве Державина, Карамзина и Радищева.

Неизученность процесса формирования просветительского историзма в европейских странах (в том числе и в России) в последние десятилетия XVIII в. не позволяет конкретно представить и осознать интенсивность этого процесса, оценить уже достигнутый уровень нового понимания истории и степень влияния рож-